

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО ЯНУША КОРЧАКА

Труд в домах сирот Корчака был существенным фактором воспитания. Корчак стремился не только привить своим подопечным уважение к людям труда, пробудить в них признание необходимости любой работы — умственной и физической, но и выработать у них определённые практические навыки, самостоятельность и добросовестность.

«Чтобы труд воспитывал и формировал детей»

Роза Валеева,
декан факультета
психологии
Казанского
государственного
педагогического
университета,
доктор
педагогических наук,
профессор

Трудовому воспитанию способствовали дежурства. Обычно посетители воспитательных учреждений Корчака замечали в первую очередь товарищеский суд и недооценивали дежурства, которым сам Корчак придавал особое значение и которые в немалой степени способствовали выявлению и развитию активности детей.

В корчаковских детских домах дети сами выбирали себе дежурства и в конце каждого месяца подавали заявление на следующий месяц. На основе этих заявлений Совет самоуправления осуществлял распределение всех обязанностей по дому. Это имело большое значение, так как ребёнок не только следовал приказам и указаниям взрослых, а действовал осознанно, уяснив значение и необходимость той или иной работы. Кроме того, воспитанник на практике мог оценить свои силы и по ним выбирать себе дежурство.

Дежурные воспитанники поддерживали порядок и чистоту во всём доме и во дворе, помогали на кухне, в библиотеке, опекали больных детей, следили за состоянием инструментов в переплётном, столярном и других цехах, помогали отстающим товарищам в учёбе и т.д.

Таким образом, обязанности детей включали разнообразную деятельность и тем самым полностью отвечали цели, которую ставил Корчак: «чтобы труд детей не подменял наёмный труд работников, но чтобы воспитывал и формировал детей».

Дежурства в детских домах Корчака оценивались. За единицу труда было принято полчаса работы на пользу общества. Так, ребёнок, выполнявший работу в течение часа, получал две единицы, полутора часов — три единицы труда и т.д. Единицы труда имели как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, то, что мотивом активности ребёнка становилось накопление большого количества единиц труда, представляется нездоровым явлением. С другой же стороны, даже если при выборе дежурства этот мотив играл ведущую роль, аккуратное выполнение работы имело большое воспитательное значение. Кроме того, труд детей, таким образом, получал объективную оценку, справедливо измерялся.

Ценник дежурств разрабатывался Советом самоуправления, он постоянно дополнялся и исправлялся. Количество единиц труда, заработанных за месяц, отражало вклад ребёнка в общее хозяйство, определяло в известной степени его позицию в коллективе. Если воспитанник набирал 500 единиц труда, то по предложению Совета самоуправления он получал памятную открытку. За выполнение специальных работ — в порядке эксперимента — детям выплачивались деньги («доходные дежурства»). «Для того чтобы воспитывать хороших граждан, — писал в связи с этим Корчак, — не следует растить идеалистов. Дом сирот заболел о детях, у которых нет родителей, не из милости и, заменяя в материальном отношении умерших родителей, не имеет права не предъявлять к детям требований. Почему мы не должны, и как можно раньше, научить ребёнка понимать, что такое деньги и плата за труд, чтобы ребёнок знал цену независимости, которую даёт заработок; чтобы ребёнок знал плохие и хорошие стороны владения собственностью?»

Окончание. Начало в
НО № 9. 2003.

Контроль за качеством выполнения работы осуществлялся воспитателем и старшим дежурным, который назначался на каждом участке. Старшие дежурные ежедневно составляли письменные отчёты. Такая форма отчётности, вызывавшая у посетителей Дома сирот упреки в излишней бюрократизации процесса труда, помогала справедливо оценивать работу каждого воспитанника.

Сделанное детьми измерялось не только количеством единиц труда: использовалась и самооценка, которая позволяла справедливо оценить проделанную ребёнком работу, учитывая его индивидуальные особенности, физические силы, опыт, умение и ловкость.

В детских домах Корчака дети относились к работе с большим желанием. Однако не оставались без внимания и недостатки в работе некоторых детей. Незначительные упущения воспитатели заносили в «Список мелких недосмотров». Если недостатки в дежурстве носили хронический характер, они разбирались товарищеским судом, который или заменял дежурного, или лишал его дежурства до конца месяца. Это было для детей самым суровым наказанием.

Система ежедневных дежурств, правильная их организация способствовали тому, что в домах сирот Корчака царил своеобразный культ труда. Дети были подлинными хозяевами дома, в котором отсутствовал многочисленный технический персонал. На всю жизнь дети получали определённые трудовые навыки: умение обслужить себя, умение разумно и рационально, практически целесообразно организовать даже простую на первый взгляд работу.

Задачу развития интересов детей, их индивидуальных способностей выполнял ручной труд по желанию детей. Они работали в мастерских: сапожной, столярной, швейной, в переплётном цехе, где наиболее полно проявились, развивались и реализовывались творческие помыслы ребёнка.

Корчак практически показал в Доме сирот, какое значение имеет хорошо организованный и скоординированный труд. Работа в его детских домах перестала быть тяжёлым бременем или наказанием, а стала критерием общественной полезности личности.

Общественное мнение в воспитательной системе Корчака

Наиболее выразительной чертой, отличавшей воспитательную систему Корчака, была организация общественного мнения детского коллектива. Именно развитое общественное мнение в корчаковских домах оказывало воспитательное воздействие на каждого ребёнка, формируя в нём стремление к самопознанию, самооценке и самосовершенствованию.

Выражению общественного мнения детского коллектива в немалой степени способствовала еженедельная газета детского дома.

Корчак писал: «Воспитательное учреждение без газеты кажется мне беспорядочным и безнадёжным топтанием на месте и брюзжанием воспитателей, повторением одного и того же без определённой цели и без традиции, без воспоминания, без перспек-

тив». Еженедельное чтение газеты было обязательным для детей и персонала детского дома. Вступительную статью обычно писал сам Корчак, иногда кто-либо из воспитателей или бурсистов. Однако участие взрослых в выпуске стенгазеты старались ограничить до минимума (взрослые выполняли в основном роль корректоров, стараясь в то же время сохранить неповторимый стиль детского письма).

Для Корчака газета была своего рода зеркалом жизни детского учреждения, «бесценным научным документом»: она информировала, обращала внимание на недостатки, охватывала все вопросы жизни детей.

«Для воспитателя, который обязан понять ребёнка и себя, газета прекрасный регулятор его слов и поступков, живая хроника его работы, усилий, ошибок, трудностей, с которыми он боролся».

В то же время в руках воспитателя газета становилась одним из средств поощрения или наказания: «Газета объясняет и просит или гневается. Есть такие люди, которые даже плачут, если о них что-нибудь напишут в газете. Ведь есть ребята, которые не хотят, чтобы о них плохо писали, хотя есть и такие, которым всё равно».

Детям газета давала возможность публично высказывать своё мнение: «Каждый, кто хочет что-либо изменить, если ему что-то недостаёт, если он чем-то недоволен, пусть напишет в газету».

Таким образом, газета оказывала помощь в решении конфликтных ситуаций между детьми и взрослыми, принимала участие в совместном управлении жизнью детского дома, сплачивала детей, воспитателей и технический персонал в единый коллектив.

Наиболее чётко общественное мнение проявлялось в так называемых плебисцитах доброжелательности и недоброжелательности. Плебисциты проводились после месячного пребывания новичка (в том числе воспитателя) в детском доме, после годичного пребывания, перед получением «гражданского звания», при обсуждении вопроса об исправлении воспитанника или его реабилитации.

Плебисцит, или общее тайное голосование детей, проходил следующим образом. Подлежащий плебисциту воспитанник (или воспитатель) объявлялся за день до голосования. На следующий день во время завтрака каждый ребёнок получал карточки со знаками «+» (люблю, уважаю), «-» (отношусь отрицательно), «О» (безразличен). У ребят уже было время подумать и решить, какой карточке отдать предпочтение, поэтому голосование проходило быстро. Язык цифр просто и абсолютно точно определял место ребёнка или воспитателя в коллективе. Однако не только в этом заключалось значение плебисцитов. Они формировали у воспитанников такие важные для человека качества, как мужество, принципиальность и честность. Вспоминая о своей практике в летних колониях, Корчак пишет, что ещё тогда он пришёл к мысли о том, «как необходимо самоуправление, когда каждый имеет право мужественно сказать, кого он на самом деле любит».

Немаловажным было значение плебисцитов и для воспитателей. С помощью голосования детей воспитатели узнавали положение ребёнка в детском коллективе и зачастую приходили к неожиданным для себя открытиям. И. Мержан вспоминает, как удивил её, молодую воспитательницу, результат плебисцита о Поле, тихой и спокойной на первый взгляд девочке, которая получила большое количество минусов. «В тихом омуте черти водятся», — таким было объяснение Корчака. Плебисциты учили воспитателей внимательно изучать ребёнка: материалы плебисцитов составляли основу для дальнейшей индивидуальной работы с детьми.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что в Доме сирот и Нашем доме плебисциту подлежали также воспитатели и бурсисты, что способствовало формированию подлинно гуманных, демократичных взаимоотношений между ними и детьми. «Человек, которого не любят и не уважают дети, не может быть воспитателем», — любил говорить Корчак.

О том, какое значение в воспитании воспитателей имели плебисциты, говорят и воспоминания бывших воспитателей-корчаковцев. В частности, И. Мержан отмечает, что количество минусов в результатах плебисцита всегда смущало, волновало, заставляло задуматься не о том, кто мог поставить этот минус, а за что тебя удостоили немилости, заставляло искать недостатки в своём отношении к детям.

После годичного пребывания в детском доме воспитанник получал гражданское звание. Звания присваивались Советом самоуправления, исходя из результатов плебисцита, количества судебных дел, числа выработанных единиц труда и успехов в учёбе. На основе всех этих данных в Нашем доме воспитаннику присваивалось одно из следующих званий: товарищ, жилец, безразличный жилец, обременительный пришелец.

Каждое из этих званий наделяло ребёнка определёнными привилегиями и ограничениями. «Товарищ» имел право до 14 лет пребывать в интернате. «Жилец» мог вернуться в семью, если позволяли условия, через три года, «безразличный жилец» — через год. Необходимо отметить, однако, что случаев исключения из интерната в истории Дома сирот и Нашего дома было очень мало. К тому же через три месяца после исключения семья вновь могла написать заявление о приёме в детский дом, и в случае удовлетворения просьбы ребёнок поступал в дом уже как новичок.

Дети высших гражданских званий имели право свободно выходить в город, часто посещать родных и знакомых (ограничения для детей низших званий не касались их встреч с родными в пределах детского дома и совместных экскурсий). Воспитанники, которые получали низшие гражданские права, не могли быть опекунами, иметь представительства в совете, брать на себя ответственность за других детей во время экскурсий и прогулок.

В воспитательной системе Корчака деление детей на категории проводилось на основе конкретных цифр, о которых сами дети знали. Эти критерии воспринимались каждым ребёнком как справедливая оценка его поведения. Именно поэтому гражданские квалификации имели большое воспитательное значение. Они давали возможность воспитаннику путём борьбы со своими недостатками получить более высокую категорию, поскольку звания эти не были постоянными.

Изменить звание «безразличного жильца» и «обременительного пришельца» можно было через реабилитацию. Это довольно долгий и трудный путь. Обратиться в совет по этому поводу воспитанник мог лишь один раз в год, найдя среди ребят себе опекуна. Задача опекуна — помочь другу исправиться. Опекун вёл дневник, в котором записывал свои мысли об опекаемом. Эти дневники зачитывались раз в неделю перед собранием, что повышало ответственность опекуна за порученное дело.

По окончании срока опеки опекун должен был написать о её результатах, а опекаемый ответить на совете самоуправления на ряд вопросов.

После рассмотрения дела Советом самоуправления реабилитационный суд решал, может ли ребёнок быть реабилитирован. В состав суда входили: опекун ребёнка, двое судей, выбранных опекуном, три члена Совета самоуправления.

Система опеки старших детей над новичками в детских домах Корчака компенсировала недостаток семейного тепла и отсутствие рядом близкого и родного человека, способного понять и помочь беде. Кроме того, система опеки имела большое воспитательное значение: ведь одни дети с помощью советов и ежедневной поддержки могли исправить свои недостатки, а другие (маленькие опекуны) учились терпимости, доброте и внимательности к людям.

Если плебисцит и гражданские категории помогали ребёнку в самопознании и самооценке, т.е. осуществляли первую ступень процесса самовоспитания, то формированию умения владеть собой, самоконтроля и самокритики содействовала хорошо продуманная система стимулов самовоспитания, направляющая и помогающая ему в достижении желанной цели. Сюда относятся «списки раннего вставания», «списки драк», «нотариальная тетрадь», индивидуальное пари.

Ранний подъём требует определённого усилия воли, часто не помогают ни звонки, ни включение бодрой музыки, ни взывание к сознанию. «Список раннего вставания» помог в какой-то степени решить эту проблему в корчаковских детских домах. Каждый квартал на общем собрании детям задавали вопрос: «Кто хочет встать с первым звонком?» Вызвавшийся ребёнок включал себя в список, который висел на доске объявлений. Право контроля оставалось за ним самим. Ребёнок должен был встать с первым звонком, по второму звонку быть уже в столовой и отметить себя в «списке раннего вставания». Через три месяца подводились итоги. Те, кто смог выдержать эту борьбу (хотя бы пять раз в месяц), получали «памятную открытку раннего вставания».

«Список раннего вставания» — это, по сути, список сильной воли. Однако в корчаковских детских домах избегали громких слов и давали простые и понятные детям определения. Тем не менее сущность от этого не менялась. Пример одних влиял на других детей, и подъёмы стали более пунктуальными во всём доме. В первые годы существования Нашего дома 625 мальчиков и девочек получили «памятные открытки раннего вставания». Факт, который свидетельствует о том, что эта форма работы укоренилась в доме.

«Списки драк» были введены в Доме сирот и Нашем доме с целью борьбы с дурными привычками, в том числе и с драками. «Я не сторонник драк, — пишет Корчак в «Шуточной педагогике», — но как воспитатель я их обязан знать. И я знаю. Я не осуждаю. Я мирюсь».

В корчаковских детских домах драки не запрещались, но подравшиеся должны были затем внести себя в специальный список, чтобы все знали, кто с кем дрался. Таким образом решалось сразу несколько проблем. С одной стороны, складывалось общественное мнение, осуждающее, например, старшего, который дерётся с малышом. С другой стороны, эти списки были на руку воспитателям: они были в курсе «горячих моментов» дня, даже если не были непосредственными наблюдателями этих событий.

Ещё одной формой борьбы с недостатками, в том числе и склонностью к дракам, были индивидуальные пари — добровольные обязательства детей по отношению к самим себе, которые заключались в присутствии воспитателя, выступающего в роли секретаря и советника ребёнка.

Содержание пари было самым различным: драки, приставания, ругательства, заброшенная учёба, кража. «Играли на совесть, — вспоминает И. Неверли, — ведь в большинстве случаев только ты сам мог себя проверить. Доктор лишь записывал, придавая этому своеобразному тотализатору вес своим авторитетом, выслушивал признания, советовал, выплачивал выигрыши. С надеждой, отчаянием, торжеством, а порою и с подлинной страстью ребята проигрывали или выигрывали по две карамельки из картонной коробочки доктора. Простые, дешёвые карамельки, по три штуки за грош, ничего интересного. Просто символ. Явственный, осязаемый, сладкий плод трудной победы! Всякий раз, когда мне случалось быть свидетелем этих пари, я видел в них что-то от исповеди и что-то от матча».

Пари возникли из попытки Корчака использовать для выработки самообладания столь распространённую среди детей страсть биться об заклад по любому поводу: пусть держат пари на преодоление некоторых своих недостатков. Они были лишь небольшой деталью воспитательной системы Корчака, но они, пожалуй, служат убедительной иллюстрацией того, к каким необычным, несхематичным средствам прибегал он для претворения в жизнь воспитательных задач, в частности задач самовоспитания.

Стимулированию самовоспитания детей в немалой степени содействовал и использовавшийся Корчаком «метод письмен-

ного общения» с детьми, который нашёл своё выражение в использовании педагогами дневника воспитателя и почтового ящика.

Содержание дневника воспитателя было доступно детям. Этот дневник хранился на полке, и каждый ребёнок в любое время мог ознакомиться с записями своего воспитателя.

Приведу отрывок из дневника воспитателя-Корчака, который показывает, с каким подлинно педагогическим тактом и мастерством использовал он этот метод воздействия на чувство и сознание ребёнка:

«Сегодня я несправедливо рассердилсь на одного из ребят. Несправедливо! Но я не мог поступить иначе. Но что делать, если моя обязанность — стоять на страже равноправия? Что сказали бы ребята, если бы я разрешил одному делать то, за что наказываю других?..

Снова кража. Я знаю, где сто детей — обязательно один из них вор (один ли?). А, однако, я не могу с этим смириться. Я в обиде на всех, словно все в этом замешаны.

А вот и исправился! Я было боялся поверить раньше времени, но вот уже несколько недель внимательно приглядываюсь. Может, нашёл себе хорошего товарища? Ох, если бы так и осталось!

Опять я узнал об одной некрасивой истории. Делаю вид, что ничего не знаю. Так это неприятно — то и знай ворчать, бранить, злиться, дознаваться.

Странный мальчик. Все мы его уважаем. Он мог бы иметь большое влияние на товарищей, а сторонится всех наших начинаний. На удивление чуждый всем и замкнутый ребёнок. И это в нём не эгоизм и не враждебное отношение. Он просто не может по-другому, а жаль...

Уж такой сегодня приятный денёк! Все ребята здоровые, весёлые, деятельные. Всё шло как-то хорошо, быстро и складно. Таких бы денёчков побольше!»

Через эти записи в дневнике воспитатель выражал своё отношение к тем или иным поступкам детей, радовался их успехам, сопереживал и огорчался в случае неудач. Надо отметить, что делал он это всегда исключительно тактично: обратим вни-

мание хотя бы на тот факт, что ни в одной записи не упоминаются имена детей — дети сами разберутся, кто есть кто. Кроме того, эти своеобразные «беседы» не были назойливыми и не носили нраво-учительный характер. Ведь дневник воспитатель ведёт для себя. Но то, что в детских домах Корчака дневник сделали доступным для детей, способствовало превращению его в отличное воспитательное средство, основанное на тонком знании и понимании детской психики. Он приоткрывал таинственную завесу в мир чувств и переживаний взрослого, заставлял другими глазами взглянуть на известные всем события и вновь переосмыслить их, формировал умение давать правильную нравственную оценку поступкам. Таким образом, эта форма «беседы» с детьми способствовала созданию здорового нравственного климата в детском коллективе, установлению атмосферы доброжелательности и понимания в отношениях между педагогом и воспитанниками.

Незаменимым помощником воспитателя была доска объявлений: «Я повесил бы доску объявлений даже там, где большинство детей не умеет читать, — пишет Корчак. — Дети, не зная букв, научатся хотя бы узнавать своё имя, ощутят свою зависимость от тех, которые читают, почувствуют потребность читать». Доска объявлений вывешивалась на видном месте. На ней прикреплялись кнопками приказы, сообщения и объявления.

Объявлениями особого рода были таблицы и именные списки, которые способствовали решению конкретных воспитательных задач. Они включали в себя списки «дел», передаваемых в суд (кто, на кого и за что подаёт), «список мелких нарушений», список извинений и благодарностей (кто, кому и за что), список рано встающих и др.

Для контроля за обменом детской собственностью использовалась нотариальная книга. «Если мы боимся нечистых сделок, — писал Корчак, — споров, ссор, давайте же введём нотариальные книжки, которые предотвращают злоупотребления. Если дети легкомысленны и неопытны, дадим им возможность приобрести опыт!» Таким образом, в детских домах Корчака разрешалась меновая торговля, но при условии, что сделка эта записывалась в нотариальной книге, чтобы младшие и менее опытные не были при этом обмануты.

Ещё одним важным помощником воспитателя в общении с детьми был почтовый ящик. «Если доска объявлений вооружает воспитателя привычным, а значит, не требующим особого труда ответом «прочти», то почтовый ящик даёт ему возможность отложить любое решение, ответив «напиши».

Подобное общение оправдано и с психологической точки зрения: ведь часто легче написать, чем сказать, особенно несмелому и робкому ребёнку. С другой стороны, и воспитатель вечером, в спокойной обстановке, имел возможность обдумать вопросы, которым не придал должного внимания днём.

Как видим, каждый отдельный элемент воспитательной системы был частью целого и мог быть эффективным лишь при умелом сочетании его с остальными средствами.

ВОСПИТАНИЕ РАЗУМНОГО ВОСПИТАТЕЛЯ

Корчак понимал, что от профессионально-личностных качеств воспитателя в немалой степени зависят результаты воспитательного процесса. Именно поэтому большое значение он придавал воспитанию педагогических кадров. Это было тем более важно для его детских домов, в которых постоянных воспитателей чаще всего было двое: мужчина для мальчиков и женщина для девочек. Такое положение дел объяснялось недостатком средств, материальной зависимостью от филантропии. Естественно, что для решения воспитательных задач, которые ставил Корчак, этого персонала было недостаточно. Для того чтобы восполнить этот недостаток, Корчак убеждает членов управления обществом «Помощь сиротам» организовать при детском доме так называемую «Бурсу» — интернат для бедных учащихся молодых людей, которые за три часа занятий с детьми получали квартиру и полное содержание. Под руководством Корчака они совершенствовали свои педагогические знания и одновременно продолжали обучение в вузах Варшавы.

По отношению к ребёнку и методам достижения воспитательных задач Корчак выделяет три основных типа воспитателей: воспитатель-тиран, честолюбивый воспитатель, разумный воспитатель. Для создания внешнего порядка воспитатель-тиран издаёт многочисленные запреты и требует неукоснительного их соблюдения. Свои обязанности видит в том, чтобы быть бдительным, надзирать и таким образом застраховать себя от любых неприятных неожиданностей. Интересно отметить, что Корчак связывает этот авторитарный стиль в отношениях с детьми с духовным и профессиональным невежеством воспитателя-тирана. «Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своём покое и удобствах, тем больше он издаёт приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей, — пишет Корчак. — Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран».

К группе честолюбивых Корчак относит несколько разновидностей воспитателей. Одни из них постоянно сомневаются, обвиняют попеременно то себя, то детей, то условия труда. Другие слишком самоуверенны, высокомерны, часто любят себя и своими «педагогическими победами», достигнутыми ценой подавления детской инициативы и самостоятельности. Основные функции таких воспитателей — «подчинить или сломать, искоренить, выжать, вынудить, вбить собственное или навязанное понимание порядка, чистоты, хорошего поведения, обязанности делать успехи». К честолюбцам Корчак относит и тех воспитателей, которые считают, что можно легко переделать ребёнка, убеждая и ласково наставляя его. Такие воспитатели, считает Корчак, раздражают и надоедают. Посмешищем в глазах детей становятся и воспитатели, поступки которых и отношение к детям зависят от их настроения.

Несмотря на некоторые отличия, эти два типа воспитателей объединяет то, что они прежде всего думают о своём удобстве, а не о благе ребёнка. В отличие от них разумный воспитатель действует только на благо ребёнка, руководствуясь принципом бескорыстного воспитания.

Корчак предъявляет ряд требований к разумному воспитателю.

1. Разумный воспитатель ясно осознаёт воспитательные задачи, которые стоят перед ним и детьми, и решает их при помощи сознательно организованного процесса воспитания без постоянного надзора и многочисленных запретов. При этом он обязан считаться с индивидуальными психолого-физиологическими особенностями ребёнка и помогать ему в «трудной работе роста». В своей деятельности разумный воспитатель руководствуется принципом уважения личности ребёнка и его прав.

2. Разумный воспитатель должен уяснить себе, что его задача — создать условия для развития ребёнка. Но в то же время он должен проявлять доброжелательность по отношению ко всем детям, даже к тем, которые по какой-то причине не поддаются его воспитательному влиянию. Он не гневается на воспитанника, а задаётся исследовательским вопросом: отчего? Без выяснения этого не может быть движения вперёд. Понимание и терпимость — главные черты личности разумного воспитателя.

3. Для сознательного руководства детьми разумный воспитатель должен постоянно расширять свои знания о ребёнке, не только теоретические, но и практические.

4. Разумный воспитатель добивается исполнения своих желаний путём взаимного согласия, понимания и договорённости. В процессе организации жизни детского коллектива разумный воспитатель старается принуждение заменить добровольным и сознательным приспособлением личности к формам коллективной жизни. (Следует отметить, что в определённых условиях Корчак считал разумным проявление воли воспитателя в виде запрета или приказа.)

5. Разумный воспитатель должен уметь организовать жизнь детей, их игры, учёбу, труд. Возможный путь организации жизни Корчак видит в предварительном поиске и объединении положительных сил детского коллектива. Только затем можно начать целенаправленную планомерную воспитательную работу. При этом необходимо искать лёгкие и понятные для детей формы работы, двигаться вперёд осторожно, не торопясь, стремиться к созданию ситуаций, способствующих проявлению инициативы детей.

6. Разумный воспитатель должен уметь критически относиться к себе, к своим ошибкам и достижениям. Лишь тот может стать воспитателем детей, кто постоянно воспитывает себя. «Всегда сознавайте, что можете ошибиться, — предостерегал мудрый педагог, — потому что не ошибается тот, кто ничего не делает». Однако хороший воспитатель делает ошибку только раз и, критически оценив, больше не повторяет.

7. Разумный воспитатель творчески подходит к своей работе, ищет свой путь. Награду за труд находит в исследованиях и вечном поиске. Воспитатель не имеет права останавливаться на достигнутом.

Только воспитатель, упорно формирующий у себя все перечисленные выше качества и старающийся искоренить черты воспитателя-тирана или честолюбивого воспитателя, сможет найти ответы на вопросы, которые задаёт себе начинающий педагог: как найти контакт с детьми, как расположить их к себе? Как заставить ребят добровольно выполнять педагогические требования? Как добиться утверждения в среде детей справедливости, добра и человечности?

Воспитание педагогических кадров — «разумных воспитателей» — осуществлялось в Бурсе. Бурса существовала в обоих детских домах Корчака.

Теоретическое обоснование необходимости подобного интерната Корчак выражает в своих записках «Бурса и я»:

«Персонал детских домов опытный, но старый и измученный. У молодёжи же непочатый край энергии, которую можно использовать для блага детей, её энтузи-

зм может принести пользу всему учреждению. Ничего, что они будут бегать вперёд, — мы их удержим. Бюджет наш не позволяет содержать многочисленный квалифицированный персонал. Бурса может дать спортивных организаторов и культмассовиков, учителей музыки, пения, танца, ручного труда. Бурсисты могли бы быть практикантами, которые будут вникать во все особенности жизни интерната, познают на практике приёмы руководства детским коллективом и без особых трудностей будут готовиться к будущей самостоятельной работе в школе или интернате».

Таким образом, Бурса решала три задачи:

- 1.** Давала бедной молодёжи возможность учиться.
- 2.** Бурсисты заменяли платный квалифицированный персонал, что было большим плюсом для детских домов Корчака.
- 3.** Молодёжь готовила себя к будущей воспитательной деятельности.

Последний момент был особенно важным, поскольку в то время не существовало учебных заведений, готовящих молодёжь к работе в детских домах.

Молодёжь в Бурсу подбирали С. Вильчинская и М. Фальская, которые, предварительно побеседовав, выясняли мотивы желания стать бурсистом. Выбирали тех, в ком чувствовали педагогическую жилку как из числа бывших воспитанников, так и из числа молодых людей извне. Для бывших воспитанников детского дома принятие в Бурсу было и наградой, и подготовкой к дальнейшей самостоятельной жизни.

Бурсисты в свободное от занятий в вузе время должны были три часа отрабатывать с детьми. Занятия проводились в той области, к которой бурсисты имели способности. Так, хором и оркестром руководили студенты консерватории, спортивной работой — студенты Академии физвоспитания, подготовкой к занятиям в школе — студенты университета и т.д. Обязательным условием было и то, что бурсисты должны были хорошо учиться. Тот, кто оставался на второй год, должен был покинуть Бурсу.

Бурсисты жили жизнью детского дома. Во время обедов молодые воспитатели сидели за столами вместе с воспитанниками. Бурсисты были обязаны всесторонне изучать детей: их поведение и реакции. У каждого из бурсистов был ребёнок, за которым он наблюдал. Бывшая бурсистка Дома сирот И. Мержан пишет по этому поводу: «Корчак поставил цель научить нас писать. Считал и постоянно нам повторял, что поскольку у воспитателя нет ещё аппаратов, фиксирующих отдельные стороны жизни ребёнка, мы должны научиться если не стенографировать, то хотя бы делать заметки своих наблюдений. Он утверждал, что записи эти заставляют воспитателя задуматься над тем, что он заметил, — без этих записей теряется много важных воспитательных моментов». Многие из бурсистов затем всю жизнь были благодарны Корчаку за то, что он научил их исследовательскому и творческому подходу к своей работе.

Дневниковые записи наблюдений бурсистов ежедневно просматривались С. Вильчинской и М. Фальской. На многие вопросы, которые возникали у бурсистов в процессе наблюдений, они тут же отвечали в письменном виде. Вопросы или проблемы общего

характера, те, которые могли заинтересовать всех бурсистов, становились темой семинаров, проводившиеся в Бурсе раз в неделю.

На этих семинарах Корчак не только отвечал на вопросы, которые волновали бурсистов, но и устраивал дискуссии, выяснял точку зрения каждого молодого воспитателя. Тем самым развивал в них педагогическое мышление, умение искать нестандартные решения самых «запутанных» вопросов интернатской педагогики. Часто предметом обсуждения становилась личность отдельного воспитанника, и тогда Корчак поражал бурсистов своим умением увидеть многое в незначительном на первый взгляд факте поведения ребёнка.

Темы семинаров вытекали не только из дневников бурсистов. Нередко их предлагал сам Корчак, рассказав о неожиданном случае на улице, разговоре, услышанном в трамвае. Главная цель этих семинаров — будить педагогическую мысль будущих воспитателей. Часто споры, начатые на семинаре, продолжались и после семинара в учебной комнате. Иногда каждый оставался при своём мнении. Однако Корчак и не стремился к тому, чтобы после семинара всё «подавило» одно-единственное решение. Наоборот, он даже и не пытался дать готовый ответ. Мудрый педагог считал, что каждый должен сам дойти до своего педагогического кредо.

Нельзя, однако, считать, что в отношениях Корчака с бурсистами царила полная идиллия. Некоторые бурсисты недобросовестно относились к своим обязанностям. В одном из своих писем Фальская, всегда очень требовательная к исполнению обязанностей сотрудниками детского дома, с возмущением пишет о бурсисте, предпочитающем больше брать, чем давать. Некоторые бурсисты считали обязанностью записывать свои наблюдения и размышления, составлять отчёты о своей работе ненужным бюрократизмом, потерей ценного времени. Некоторых раздражали письменные методы воздействия на ребёнка. Доска объявлений, газета, всевозможные списки не заменяют воспитателя, считали они, и верили лишь во всемогущую силу слова педагога. Постоянные взвешивания и измерения детей, составление на их основе диаграмм веса и роста также вызывали недоумение, а зачастую и критику.

Самым чувствительным ударом для Корчака стала критика, поступившая со стороны бывших воспитанников и бурсистов. В 1931 году на собрании бывших воспитанников Корчаку предъявили обвинения: зачем нужны эти взвешивания, измерения, салфетки, платочки, когда потом, после 14 лет, за стенами детского дома вновь голод, холод, грязь, нищета? Наверное, не о благе ребёнка заботился Корчак, дети для него нечто вроде подопытных кроликов, а Дом сирот — научная лаборатория. В ответ на эти серьёзные обвинения Корчак высказал следующую мысль: «Для чего измерял и взвешивал? Дом сирот — это не только воспитательный дом для ста с лишним детей, это действительно научное учреждение, лаборатория, пример для других подобных домов. Если в Доме сирот при нормальной диете 100 детей в течение года прибавило в весе на 146 фунтов, а в другом приюте только на 73 фунта, значит, кто-то детей обкрадывает: кухарка, интендантка или снабженец. Если кривая сна в Доме сирот 8 часов 30 минут,

а в других домах 7 часов, значит, для детей не создали нормальных условий жизни: слишком жаркие или холодные спальни, плохой воздух, нервозность детей — необходимо выяснить причины».

Немалой заслугой своих детских домов Корчак считал то, что они давали детям варшавской нищеты хоть толику здоровья — «единственный капитал для тех, кто вступает в жизнь без наследства, опираясь лишь на свои силы». Тем самым был создан новый тип воспитательного учреждения, где организация жизни и быт детей были проникнуты глубоким гуманизмом, пониманием ребёнка, заботой о его самочувствии. Таким образом, критики Корчака и его системы просто не представляли до конца всей глубины его педагогических устремлений, не понимали его задач.

Бурсисты обвинили Корчака и в том, что он якобы полностью изолировал свои детские дома от мира. На основе этого обвинения некоторые современные исследователи (М. Якубонский) выдвинули предположение, что Корчак создал учреждение закрытого типа. Однако обвинения такого рода были далеки от истины.

Во-первых, дети посещали школу вне детского дома, поскольку своей школы в детских домах не было. В Доме сирот школа действовала в самые первые годы его существования, а в Нашем доме — в 1932–1933 годы.

Во-вторых, в корчаковских детских домах дети не были изолированы от родных и родителей. Каждую неделю либо дети посещали родных, либо родные навещали своих детей в детском доме. Любое событие в жизни ребёнка доводилось до сведения семьи.

Кроме того, дети ежегодно выезжали в летние колонии, где встречались с сельскими ребятами. Э. Щерадский, например, вспоминает о широкой акции, которую проводил Наш дом в предместье Белян, организовав для местных детей различные культурно-массовые мероприятия.

Немаловажными для познания окружающего мира в системе воспитания Корчака были экскурсии, которые планомерно проводили педагоги. Такая экскурсия, как,

например, «свежая булка», когда дети не просто наблюдали, но и сами принимали участие во всём процессе изготовления и выпечки хлеба, давала не только познавательный материал, но и оказывала влияние на выбор профессии.

В детских домах Корчака проходили встречи с интересными людьми. В.И. Баран, в частности, называет интереснейшую встречу с польскими полярниками.

Нельзя не сказать и о связи детских домов с бывшими воспитанниками. В 1932 году был даже создан Совет бывших воспитанников, который и занимался организацией вечеров встреч.

Таким образом, в корчаковских детских домах систематически проводились мероприятия, обеспечивающие постоянную связь с внешним миром, хотя, надо отметить, мир этот был враждебен Корчаку и его детям. Его педагогические идеи, принципы организации жизни детей в детских домах опережали своё время. А педагогические идеалы Корчака не совпадали с задачами общества в области воспитания.

Некоторые разногласия в отношениях между Корчаком и бурсистами происходили от юношеской горячности и максимализма последних. Они разрешались Старым Доктором со свойственной ему мудростью. Но несмотря на существовавшие трудности, каждый из бурсистов уносил в своём сердце благодарность к детскому дому, к человеку, с которым они сотрудничали. Ведь это сотрудничество дало им реальную основу для дальнейшей воспитательной деятельности.

Литература

1. Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1966.
2. Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М.: Педагогика, 1979.
3. Korczak J. Bursa i ja. Корчаковский архив.
4. Korczak J. Pisma wybrane. 4 T. Warszawa: Nasza Ksiegarnia, 1978.
5. Baran Wl. Praca reczna na uslugach wychowania (z doswiadczen w zakladzie wychowawczym «Nasz Dom» w Warszawie). Praca reczna w szkole, 1936, nr. 1
6. XXV lat dzialalnosci Towarzystwa «Pomoc dla Sierot» 1908–1933. Warszawa, 1933.
7. Falkowska M., Kuzanska M., Sieradzki Z. Wychowanie spoleczne w domach dziecka. Warszawa, 1968.
8. Merzan I. Pan Doktor i Pani Stefa. Wspomnienia. Warszawa, 1979.
9. Newerly I. Wstep. W: Korczak J. Wybor pism. 4 T. Warszawa: Nasza Ksiegarnia, 1957.
10. Osinska T. Wspomnienia o Januszu Korczaku. **НД**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Воспитание толерантных отношений у молодёжи

Энжия Вафина,

Института татарской энциклопедии Академии Наук Республики Татарстан

Сегодняшние школьники — это жители единого демократического государства. Оно станет подлинно демократическим только в том обществе, где на всех уровнях сформированы и действуют отношения взаимного уважения людей всех национальностей. Воспитать эти качества у молодёжи призвана школа. Поэтому так важно научить этому студентов педагогических учебных заведений, — будущих учителей и наставников, которые и должны прививать эти ценности нашим детям. Толерантность охватывает все стороны человеческих отношений: социально-экономические, политические, культурные, религиозные.

На общественное сознание в этой области огромное влияние оказывают экономические и социально-политические реалии, определённые институты, которые поддерживают общепринятые образцы поведения, создавая тем самым потенциал дружественных отношений конкретных социальных групп.

2001 год открыл Международное десятилетие культуры мира и ненасилия во всём мире. В этом контексте воспитание толерантности как основы развития гражданского общества направлено на восстановление и укрепление культурных, исторических и моральных ценностей России в противовес таким явлениям, как этническая, религиозная и политическая нетерпимость.